

роной более не ставился. Масштабных акций против функционирования военного транзита больше не предпринималось (с. 256–257).

Не вызывает возражений вывод автора, что в середине – второй половине 1960-х годов вопрос о гражданском транзите в Западный Берлин приобрел большое значение и значительно обострился. Причиной этого стала активизация усилий ФРГ по расширению федерального присутствия в городе. На все крупномасштабные акции ФРГ в Западном Берлине ГДР, поддержанная Советским Союзом, отвечала контракциями, ограничивавшими доступ в город определенным категориям граждан ФРГ (министров, чиновников правительства, офицеров бундесвера).

Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину от 3 сентября 1971 г. автор характеризует как разумный баланс интересов сторон. О существенных уступках западных государств Советскому Союзу говорит факт признания ими сообщения между ФРГ и Западным Берлином транзитным сообщением. Большое значение имело также соглашение между правительствами ГДР и ФРГ о транзитном сообщении гражданских лиц и грузов между ФРГ и Западным Берлином от 17 декабря 1971 г. Оно не только закрывало транзитный вопрос, но и стало прологом к признанию ГДР Западом де-юре. Убедительно звучит вывод автора, что “Четырехстороннее и Транзитное

соглашения 1971 г., разрешившие после длительной борьбы вопрос западноберлинского транзита, явились успехом советской дипломатии, которая в конце 60-х – начале 70-х гг. продемонстрировала свою зрелость и умение аккуратными методами, исключаящими какие-либо грубые административные рычаги (как было в 1948–1949 гг., а также в конце 50-х – начале 60-х гг.), склонить западные державы к принятию советской концепции” (с. 290).

Вместе с тем некоторые сюжеты, относящиеся к 1958–1971 гг., изложены автором сугубо схематично и чрезмерно кратко. В его работе имеет место явный перекося в изложении материала в пользу 1944–1957 гг. и в ущерб полноте изложения и анализу процессов, протекавших в 1958–1971 гг. Монография В.А. Беспалова проливает дополнительный свет на один из самых сложных вопросов международных отношений после Второй мировой войны. Она, безусловно, представляет интерес для исследователей внешней политики четырех великих держав и германской проблематики, преподавателей университетов и студентов, для всех, кто интересуется историей дипломатии “холодной войны”.

Р.В. Долгилевич,
кандидат исторических наук, профессор

А.А. Щелчков. СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В XIX веке. М.: Аквилон, 2016, 459 с.

С давних пор Новый Свет представлялся местом, где существовал Рай на земле, где могли осуществляться мечты людей об идеальном обществе. Америка для европейцев стала местом возможной реализации утопического образа и идеального общества. В XIX в. Латинская Америка стала объектом пристального внимания европейских социалистов, предпринимавших многочисленные попытки реализовать здесь свои идеи. В свою очередь и латиноамериканские мыслители и политики мечтали построить новый мир в Новом Свете.

Новая монография д.и.н., ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН А.А. Щелчкова посвящена рассмотрению различных проявлений утопического (автор называет его первым) социализма в Латинской Америке в середине XIX в. Монография стала

итоговым исследованием темы, которой автор посвятил значительное количество работ. Она написана на широком круге источников и литературы. Это прежде всего произведения самих мыслителей, а также документы политических организаций и пресса тех лет. Это позволило А.А. Щелчкову одним из первых в мировой историографии, наряду с французским историком П.-Л. Абрамсоном¹, осуществить переход от изучения творчества отдельных мыслителей к познанию целого направления общественной мысли в общекинтинентальном контексте. Первым отечественным историком, обратившимся к теме утопи-

¹ *Abramson P.-L. Las utopias sociales en América Latina en el siglo XIX. México, 1999.*

ческого социализма в Латинской Америке был А.Ф. Шульговский².

А.А. Щелчков, наряду с исследованием социальной мысли, подверг изучению практику “революционеров 48 г.”. Речь идет о революции в Новой Гранаде (Колумбия), “эпохе реформ” в Мексике, революции и реформе Р. Кастильи в Перу, движении “общества равенства” и гражданской войне в Чили, свержении диктатуры Х.М. Росаса в Аргентине, плебейской диктатуре М.И. Бельсу в Боливии, региональных либеральных восстаний в Бразилии. Все эти события рассматриваются автором как часть мирового революционного процесса, начало которому положила февральская революция 1848 г. во Франции, что позволяет говорить о латиноамериканском 1848 г.

Особенности социальных идей в рассматриваемый период А.А. Щелчков раскрывает, анализируя творческое наследие аргентинца Э. Эчеверри; чилийцев Ф. Бильбао, С. Аркоса, М. Пальмы, Р. Пикарте; колумбийцев Х.М. Самперы, Х.М. Почады; бразильцев М.А. Гамы, А.П. Фигейреду, Б. де Фонсеки, Ж.И. Абрау-и-Лимы; боливийца А. Ибаньеса; мексиканцев И.М. Альтамирано, Н. Писарро, И. Рамиреса, П.К. Родаканати; перуанцев Ф.П. Гонсалес Вихиль, Х. Бустаманте; колумбийцев Х.Э. Каро, М.М. Мадьедо; венесуэльца Ф. Торо; мексиканца Х.Н. Адорно. Для отечественных историков и читателей все эти имена до сих пор оставались неизвестными.

Автор, говоря об идейных источниках латиноамериканских социальных утопий, обоснованно указывает на их европейское происхождение. Новые социальные теории и литературно-художественные течения пришли из Европы. И получили широкое распространение в латиноамериканских странах, вовлеченных в орбиту капиталистического развития.

Естественно, что исследуя развитие и степень распространения этих идей, автор не обошел проблемы их социальных истоков. Они находили питательную среду в двух социальных источниках — в движении городского плебса, ремесленников, мелких торговцев, рабочих, страдавших от конкуренции крупной промышленности, — и в движении либеральной интеллигенции, ее радикального крыла, увлеченного идеями эгалитаризма и социализма.

В целом, как отмечает автор, социальные утопии были сложным сочетанием радикаль-

ного либерализма, эгалитаризма, идей утопического социализма и социал-христианских доктрин. В разных странах, в зависимости от конкретно-исторических условий, на первый план выступали те или иные элементы социальных теорий и их сочетания.

Первыми странами Нового Света, где после европейской волны прошли революции, были Колумбия, Бразилия, а затем и Чили. Именно в этих странах революционный процесс по своим проявлениям, лозунгам, идеям, декларируемым целям имел наибольшую степень схожести с европейским 1848 г. Именно в этих странах первый социализм был тесно связан с либерализмом и его политической борьбой и в определенной степени его можно назвать либеральным социализмом. Автор справедливо отмечает, на примере “Республиканской школы” в Колумбии, что для радикального крыла либералов социализм являлся не теорией освобождения пролетариата от гнета капитализма как в Европе, а должен был помочь избежать самого появления пролетариата и промышленного капитализма со всеми его язвами и пороками. Увлечение социалистическими идеями носило временный характер (с. 201).

Вместе с тем под “шелухой утопии” в разработанных мыслителями этих стран — Ф. Бильбао, С. Аркосом, М. Пальмой, А.П. Фигейреду, Б. де Фонсекой планах переустройства общества содержалось рациональное зерно. Особенно это касалось проекта эгалитарного общества Аркоса. По мнению французского историка П.А. Абрамсона, разделяемого автором, “Сантьяго Аркос был единственным латиноамериканцем 48-го года, который пошел далее благородных прокламаций, окрашенных более или менее четко в ламеннезианские тона, представил практическую и четкую революционную программу” (с. 123).

Иным было положение в Боливии и Венесуэле, где плебейский эгалитаризм стал доминирующим движением. В Боливии — в период правления народного каудильо М.И. Бельсу и во время “революции равенства” во главе с Ибаньесом. В Венесуэле — во время народного движения во главе с “генералом свободы” Э. Саморой. В этих движениях не было теоретиков и идеологов социализма, но присутствовало глубокое народное чувство равенства. Автор характеризует Бельсу и его сторонников “как консервативных революционеров антибуржуазного эгалитарного направления”, “боровшихся за социальное равенство в рамках традиционного общества (с. 316, 302). Знамя бельсизма было подхвачено народным движением в провинции Санта-Крус. Здесь игуалитарии во главе с Ибаньесом проповедовали коллективистские ценности под

² Шульговский А.Ф. Утопический социализм в Латинской Америке и проблема альтернатив общественного развития. — Латинская Америка в исторической ретроспективе XVI–XIX вв. М., 1994.

лозунгом “Равенство в собственности – вот главное решение народа” (с. 340). В Венесуэле Самора, выражая устремления плебейских масс, боролся за создание демократической и социальной республики.

В Перу, наряду с либеральной революцией Р. Кастильи развернулось движение индейцев во главе с Х. Бустаманте, главной целью которого была защита индейцев-крестьян и освобождение трудящихся. В мировоззрении Бустаманте сочетались консервативно-патерналистские взгляды с передовыми гуманистическими и даже социалистическими идеями. Его деятельность подготовила появление перуанского левого индеанизма и предшествовала идеям великих и знаковых для Перу политических деятелей и мыслителей – М.Г. Прадо и Х.К. Мариатеги.

Важное место в латиноамериканской общественной мысли занимал социальный консерватизм (Х.Э. Каро, М.М. Мадьедо, Ф. Торо, М. Адорно). Автор трактует его появление как реакцию на наступление капитализма, на разрушение традиционных ценностей. На эту угрозу консервативные мыслители искали выход в создании гармоничного общества, где не будет социального расслоения, пауперизма и нищеты большинства населения. Они мечтали об обществе, основанном на морали, религии и на принципах подлинного равенства. Отсюда их обращение к испанскому прошлому, к религии и традиционным ценностям, не отвергая при этом либеральных свобод.

Сами социальные утопии не оставались неизменными на протяжении рассматриваемого периода, и выявление характерных черт их развития является важным результатом работы автора. Это касается, прежде всего, эволюции социальной утопии в Мексике.

Уже деятельность “красных” – социально-ориентированного крыла либералов в Реформе (под таким названием в историю вошла либерально-демократическая революция в Мексике в 50–60-е годы XIX в.) закрыла собой период, когда либерализм и социализм могли

рассматриваться как родственные течения в едином освободительном потоке. Следующее поколение мыслителей заговорило о социализме как о строе, противостоящем капитализму.

П.К. Родаканати – родоначальник анархизма в Мексике и его ученик Ф. Салакоста открыли новый этап в социалистическом движении, этап политических действий. Под их влиянием крестьянские восстания в 1868 и 1878 гг. проходили под социалистическими лозунгами, став предвестниками аграрного социализма в революции 1910–1917 гг. Так произошла эволюция мексиканского утопического социализма к политической борьбе, соединением с крестьянским движением и выдвиганию на первый план аграрного вопроса.

Следует отметить, что проблема земельной собственности, положение крестьян стояли в центре большинства утопических проектов. Но почему именно в Мексике социалистические идеи были выдвинуты как знамя общественной борьбы, конкретная программа политического действия и почему она приняла характер “аграрного социализма”? Было бы важно, с нашей точки зрения, соединить разбор социальных воззрений мыслителей и идеологов с более подробным анализом экономической и социальной действительности и классовой борьбы в соответствующих странах. В своей работе, сосредоточенной вокруг истории идей, автор лишь в общей форме наметил эту большую проблему. Несомненно, она заслуживает дальнейшей углубленной разработки.

Монография А.А. Щелчкова является серьезным исследованием проблемы, которая до настоящего времени практически не изучалась в нашей стране. Она принесет большую пользу как исследователям, так и преподавателям и студентам.

В.П. Казаков,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

Л.И. Ивонина. ДРАМА ДИНАСТИИ СТЮАРТОВ. М.: изд-во “Ломоносовъ”, 2016, 320 с.

Новая книга доктора исторических наук, профессора Смоленского государственного университета Л.И. Ивониной посвящена трем поколениям представителей династии Стюартов на английском престоле – королям Якову I, Карлу I, Карлу II и Якову II. Судьбы Марии II и Анны I, равно как и потомство их

брата “старшего претендента” Якова, даны в заключении, подводящем итоги царствования правящей ветви рода потомков Уолтера Фиц-Алана. Каждой из глав автор дал название, исходя из особенностей характера, воспитания и предпочтений того или иного своего главного героя.